

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-4-4-13

Братина В.¹,
Братина Б. Р.²

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE¹

¹Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1,
г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru

²Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице,
Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

Аннотация. В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношениях сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

Bratina V.¹,
Bratina B. R.²

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

1) Institute for Philosophy of Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia.
E-mail: ubuntera@mail.ru

2) University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia.
E-mail: bokibor@yahoo.com

Abstract. The article presents a historical, philosophical, and cultural research into the creative work of Vladimir Dvorniković (1888–1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, is currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego

¹ Окончание. Начало статьи см.: Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социальные и гуманитарные исследования». Т. 2. No. 1 (7), 2016. С. 20-29.

Психологические характеристики южных славян

Дворникович, среди прочих направлений, разрабатывал в своих трудах проблему выявления психологических особенностей сербов: их жизненной силы, боевого духа, этических ориентиров, чувственной и эротической природы, интеллигентности, воли и отношения к труду, социального характера и других. На основе этих характеристик исследователь выделил несколько психотипов: сербского селянина, горожанина, интеллектуала, политика, деятеля искусства. Все указанные особенности, как и психотипы, существуют и сегодня и бывают довольно ярко выражены. Более того, знакомство с работами Дворниковича производит на каждого современного читателя сильное впечатление, показывая, как мало изменилась психология сербов не только по сравнению с 1939 годом, когда была опубликована «Характерология», но и с более ранними периодами сербской истории! Какой бы критике ни подвергались работы этого автора, это чувство удивления при их прочтении продолжает возникать. Анализ психологических особенностей сербов и характерных типов, классифицированных Дворниковичем, важен не только для знакомства с психологией сербского народа в целом, но и для лучшего понимания того, что, в соответствии с именовани^{ем}, данным этим автором, мы называем *гипертрофированным сербским эго*, и что, по нашему мнению, представляет собой ядро сербской психологии и главный источник ее проблематики. Поэтому исследование психологических характеристик сербского народа мы начнем с рассмотрения его жизненной силы, затем психологической ритмики, патриархальной морали, интеллекта, отношения к труду и других, для того чтобы постепенно подготовить фундамент для понимания так называемого «сербского Я». При этом отдельные психологические особенности, такие как духовность или эротизм, мы вынуждены оставить за рамками нашей работы; мы сосредоточим свое внимание на тех характеристиках, которые находятся в непосредственной связи с гипертрофированным Я.

Если говорить о жизненной силе, то Дворникович отмечает, что сербский народ – «один из тех народов, который может терпеть, терпеть и терпеть – в этом проявляется его самый выдающийся и самый непреходящий героизм», который дает начало всякому другому проявлению героизма [4, с. 322]. Эта безграничная сила терпения, присущая и древним славянам, с биологической точки зрения обусловлена постоянной борьбой за выживание на территории Динарской возвышенности или в пределах Паннонской низменности – в ходе

истории горцы населяли равнины, там начинался процесс их окультуривания (в качестве примера Дворникович приводит южнославянскую этническую группу буневцев). Однако мы считаем, что решающее значение всё же оказали исторические условия. Невероятно развитая сила терпения много раз сыграла решающую роль в сербской истории: благодаря ей сербы пережили Османское иго, прославились как воины в Первой мировой войне и как партизаны во Второй мировой войне, прошли испытание санкциями 1990-х годов. Это качество также способствовало формированию характерной для славян «стратегии выживания»: когда они бывают окружены превосходящим по силе противником, они покорно молчат, «погруженные в себя». Отсюда проистекает и в некоторой степени грубая выносливость, апатия, часто даже резигнация, и преимущественно меланхолическое настроение. Однако эта граничащая с отупелостью терпеливость одновременно создает благоприятную среду для постепенной особой «закалки духа», отголоски которой мы можем встретить в сербской музыке и в народной культуре. Дворникович указывает, что и в рудиментарном виде песни, так называемом «ойканье» (плаче), и в изысканных традиционных фольклорных песнях севдалинках «освобождается душа»: они дают выход долго, можно сказать, веками накапливаемым тяготам и тоске. Эту тоску (жалость, сожаление, другие чувства и настрои, характерные для такой музыки) необходимо избыть, однако освобождение происходит посредством переживания еще большей грусти, навешиваемой песней. Все элементы боснийских севдалинок соответствуют этой цели: бемольная тональность, неэкономное (так называемое глубокое) дыхание, острые ритмические фигуры, мелизматическое опевание, импровизация – всё это нужно, чтобы дать выход «неизбывной, охваченной грустью и вечно неудовлетворенной южнославянской натуре», которая «по своей сути ностальгична» [4, с. 387]¹. В другой части работы Дворникович снова отмечает, что чувственная ритмика сербов имеет широкую амплитуду колебания: от героической душевной борьбы, которая мобилизует все жизненные силы, до крайней апатии; и тут дело не в каком-то исконно ориентальном духе, а скорее в славянских корнях, что находит выражение не только в народных мелодиях, лирике, эпосе и искусстве в целом, но

¹ Детально этот вопрос Дворникович рассмотрел в своей более ранней работе [5], где именно на основе анализа музыкальных произведений выдвинул тезис о меланхолической природе сербской психологии.

также и в отношении к труду – от нечеловеческих усилий до тотальной лени [4, с. 388, 667].

Важная предпосылка чувства конца, по мнению Дворниковича, заключается в древнеславянской вере в так называемый Усуд (неизбежность судьбу, рок), которая имеет схожесть с дельфийским оракулом *Gvōthi σ'αυτόν* и предполагает веру в то, что всё, что случится, уже предreshено, и нужно лишь узнать это и принять¹. «Славянский фатализм» как явление хорошо знаком всем славянам, но также, к сожалению, и их неприятелям. Когда у отдельных людей или целого народа начинается «черная полоса», славяне редко способны из нее выбраться. До сих пор лишь русские продемонстрировали способность сделать такое *salto mortale* в позитивном смысле – в отличие от западных славян, и особенно в отличие от сербов. Вышеупомянутые славяне, кроме русских, если только не оказывались полностью истреблены или ассимилированы, часто в XIX и XX веках имели судьбу феникса. Отсюда и то, что современного серба характеризует некая историческая обреченность, как героя античной трагедии. Она проявляется в часто встречающейся склонности сербов даже над самыми обыденными жизненными проблемами задумываться подобно героям «Антигоны».

В соответствии с сербской народной мудростью, воля Усуда и Бога являются двумя высшими регулятивными принципами [4, с. 616]. И природа, и мораль рассматриваются с позиции принципа Усуда, и это находит отражение в народных пословицах и поговорках: «ничего из полученного тобой своим не называй» (из сказания о человеке со злой судьбой, у которого сгорало всё, что он называл своим); «это всё потому, что он не почитает отца и мать своих»; «он на крещенную славу заколет самого худого барана» (обычай на день святого покровителя семьи – крещенную славу – закалывать самого лучшего ягненка, поросенка или теленка); в реке рыба не ловится потому, что она «еще подати не взяла (не утопила человека), но не шути, не говори ей этого, пока не окажешься на берегу, ведь если скажешь ей – она сразу свое возьмет».

¹ Хотя, судя по народным сказаниям об Усуде, на собственную судьбу можно повлиять. Наличие такой возможности предполагает и психоанализ, в отличие от античной парадигмы – может быть, потому, что в ее рамках такая ситуация просто не имеет места? Интересно, что произошло бы в случае, если бы Лай и Иокаста спросили прорицательницу о том, как они могут избежать своей судьбы. Навлекли бы они на себя в этом случае гнев богов или получили бы не лишенный смысла ответ?

Бог – это всё-таки бог истины². Стойкое сербское мужество имеет глубокие моральные корни: ожидание справедливости, которая обязательно свершится; когда же несчастья и невзгоды переполнят чашу терпения, начинается борьба («и зальется земля кровью / пришел враг – бери оружие / проливать кровь за святой крест / каждый для отпущения своих грехов»).

В целом, в качестве важных особенностей сербского характера можно выделить свободолюбие и правдолюбие, как и жертвенность и готовность к страданиям во имя высшей цели, что наилучшим образом (*par excellence*) нашло свое выражение в Косовской битве 1389 года. Выбрав свободу и правду, сербы сознательно пожертвовали собой в ходе Косовской битвы и так вошли в круг народов, ставших оплотом основополагающих идей Европы. В силе и способности выносить боль до конца и в способности сербов сознательно жертвовать собой ради высшей цели, по Дворниковичу, заключается выдающееся мужество и истоки героического характера. Искривление этого характера приводит к гипертрофии личностного Я, иногда уже во втором поколении. Сербов никогда не были агрессорами и завоевателями, но всегда были готовы к самозащите и борьбе за свободу. Если и можно говорить о некоей «феминности» сербов как народа, то это качество проявляется лишь в склонности оберегать и защищать тех, кто слабее, в чем, напротив, как раз и заключается суть маскулинной силы. Это, в свою очередь, может быть обусловлено лишь ярко выраженной и четко определенной моралью, делающей справедливость стержнем национального самосознания.

Именно тут Дворникович видит позитивную роль сербской патриархальной морали, которая определяет черты, противоположные терпеливости: героический боевой дух, дух наступления. По его мнению, вся динамика внутреннего противоречия характера серба строится на символической антитезе «народ – гайдуки», причем народ воплощает в себе пассивное ожидание и терпение, а гайдуки – сопротивление, восстание и месть. Здесь мы снова можем наблюдать у Дворниковича влияние психоанализа и теории психодинамики по Фрейдю. Всё указывает на то, что Дворникович был многогранным теоретиком, который уже тогда знал, что «здесь и сейчас» иногда имеет эпохальное значение. Наверняка любой опытный философ оценит масштаб проблемы, с которой Дворникович схватился врукопашную, и это

² Поэтому можно утверждать, что древнеславянская вера была по своей сути монотеистична: верховным и единственным богом древних славян был Сварог, а все остальные так называемые боги были всего лишь его инкарнацией.

обуславливает важность его места в истории сербской философской мысли.

Для выживания в тяжелых исторических и жизненных условиях нужна была твердая патриархальная мораль, суть которой, возможно, лучше всего выражает императив, который Дворникович формулирует следующим образом: «Все, кто выживут, станут героями!» Он отмечает, что моральное давление среды с самого раннего детства участвовало в формировании этого идеала [4, с. 329; 3, с. 116, 118]. В сербской и (южно)славянской истории в целом над периодами мирной свободной жизни доминируют периоды порабощения, борьбы и освобождения, которых было несоизмеримо больше. В качестве негативного эффекта это привело к развитию гипертрофированного героизма, что, в свою очередь, повлекло за собой определенную гипертрофию героизма и борьбы – как говорит Дворникович, своего рода принцип «войны ради войны», в котором героизм превращается в позу и театральность, что находит свое выражение в том, что сербы, если им не с кем больше воевать, воюют сами с собой. Культ борьбы выродился, как и сербское Я: исторически привыкнув к постоянной борьбе и защите, подвергшись нападкам по любому поводу или же просто при подозрении на нападение, оно готово на борьбу до последней капли крови. Другим словами, как отмечает Дворникович, тяжелые исторические условия произвели эффект эксперимента исторической изоляции, который, с одной стороны, создал человека героического типа, но с другой, как *verso*, привел в конце концов к солипсизму. Рефлекс самозащиты у сербов является реактивным инстинктом. Серб всегда «на чеку», даже когда никакая реальная опасность ему не угрожает. Тут гипертрофия героического самосознания проявляется хвастовством до абсурда, к чему мы еще вернемся. В условиях реальной угрозы, в коих он и возник, этот инстинкт делает серба храбрым и выносливым воином-защитником. Дворникович делает вывод о том, что сербское «ярко выраженное, часто до фанатизма <...> возбужденное, свободолюбие привносит в <...> стиль борьбы некоторое особенное упорство и горечь. Есть народы и нации, известные в определенные моменты более сильной стремительной борьбой, но тяжело найти борцов настойчивее, в сопротивлении основательнее» [4, с. 333; 3, с. 120].

Говоря о сербском интеллекте, Дворникович отмечает, что сербы являются одним из природно одаренных европейских народов; причем это утверждение не базируется только лишь на его собственных наблюдениях и оценках, но и на мнении его современников (в основном немцев),

например, Х. Гюнтера, Р. Хупфельда, Г. Геземанна и других. Серб скор и находчив в поиске ответов, схватывает всё на лету, быстр и проницателен в наблюдениях, точен в заключениях и мастер выпутываться из сложных ситуаций. «Духовное око его, как глаз гайдука, всегда настороже и в ожидании опасности» [4, с. 613]. Сербский интеллект носит преимущественно прагматичный характер. Об этом свидетельствует и известная манера сербских селян, особенно жителей Шумадии (региона Центральной Сербии), хитро притворяться неумелым, непонимающим, только для того чтобы в нужный момент продемонстрировать всю свою скорость и сноровку. Теоретическое мышление также не чуждо сербам. Доказательство этому – Никола Тесла, Михайло Пупин или Руджер Бошкович и другие, большинство из которых рождены в сельских семьях. В целом, самоучка как явление и то, что в наше время принято называть *self-made man*, верно в контексте интеллектуальных характеристик серба: «уже в первом поколении серб способен подняться в наивысшие сферы мыслительного творчества; это свидетельствует о врожденных интеллектуальных и культурных диспозициях; этот факт доказан опытом множества примеров» [4, с. 615]. Главными характеристиками сербского стиля мышления и интеллектуального сознания, по Дворниковичу, являются: ассоциация, быстро и метко подмеченная аналогия, с последующим их красочным изображением (объяснение конкретного абстрактными законами и объяснение абстрактного путем соотнесения с конкретными ситуациями, в основном из обыденной жизни). В принципе, из-за этой особенности мы можем говорить о том, что сербский народ до сих пор в большей степени является народом писателей и художников, чем философов с развитой дедукцией. С другой стороны, те же упомянутые особенности Дворникович определяет как характеристики народной мудрости, хотя можно задать вопрос: чья народная мудрость иная? в фольклорном мышлении какого народа присутствует дедукция? В научном смысле она является выражением культуры и дисциплины, а не выражением фольклорного духа.

Дворникович отмечает, что славяне в силу исторических причин относительно поздно появились на философской сцене. Здесь мы можем с уверенностью дополнить, что последние сорок лет сербская философия в поколении так называемых молодых мыслителей, в основном, была имитацией. В этой сербской «молодой» философской среде кипучую деятельность вели подражатели Маркса, Бодрийяра, Фуко, Хайдеггера, Гегеля и прочих. В их

стиле было «ухватиться» за определенного философа и всю жизнь подражать ему. Мы вынуждены согласиться с выводом Дворниковича о том, что несмотря на природную одаренность, сербы в очень редких случаях давали миру людей, безусловно и самоотверженно преданных науке (и философии), которых ничто не могло отвратить от нее. Существенные научные парадигмы в этом смысле создали Вук Стефанович Караджич и Никола Тесла, а в области философии – Светозар Маркович и позднее Михайло Маркович, которые представляют собой редкие примеры креативной и плодотворной мысли. Для нас к этой категории относится и автор, которому посвящена данная работа.

Еще Йован Цвийич, на которого Дворникович часто ссылается, отмечал, что сербскому интеллектуалу не хватает начального импульса, чтобы довести до конца большинство дел, и потому ни одну мысль он не разрабатывает до конца. Для сербов (и черногорцев, которые не отличаются от них) особенно характерна так называемая ленивая или вымышленная «гениальность», из-за которой многие сербы ничего не достигли в жизни¹. В целом, у сербов

¹ К этому вопросу Дворникович часто обращается в таких своих работах, как «Характерология», «Психология южных славян» и даже в произведении «Борьба идей». Насколько мы можем судить, отдельно в качестве предмета исследования данная проблема рассмотрена в статье «Мания "гениальности" среди сербских учеников старших классов» (*Наставни весnik*, Ч. 23 (1914/15), № 1–10), но, к сожалению, нам не удалось получить доступ к данному тексту. Поэтому приведем только то, что нам удалось найти в «Психологии южных славян»: «В центре моего внимания <...> отдельные представители <...> молодежи, с которыми мне приходилось сталкиваться во время моей работы в должности учителя средней школы. Мне бросились в глаза некоторые особенности их поведения, изучение которых заставило меня допустить и некоторый расовый характер его причин. Если абстрагироваться от трудностей переходного подросткового возраста, то и помимо этого отмечается некая особенная неуравновешенность психики одного четко выраженного и очень интересного типа этой молодежи, который я начал изучать более обстоятельно. Это были *своего рода* гениоманы с необычно гипертрофированным сознанием собственного интеллекта с одной стороны, но при этом с атрофированной потребностью в труде с другой. Действительно способные, а иногда даже очень способные молодые люди из-за этого страдали в период своей учебы и создавали много забот и нежелательных проблем всему учительскому коллективу. Национальный аспект непрестанно и притом произвольно приходил мне на ум, потому что почти все они были детьми из села... В работе [имеется в виду текст «Мания "гениальности"...» – *Прим. автора*] обширно представлен изученный материал, дано описание типажей и конечного

труд и трудолюбие находятся в обратной зависимости от реального уровня интеллекта и одаренности. «Южный славянин – это не человек доброй воли», – говорит Дворникович; центр его личности не укреплен и не кристаллизован: он – боец, а не работник. Даже больше, «труд – это погибель для любого вида героизма и мужества» (Дворникович это изречение приводит как сущность черногорской патриархальной трагики) [4, с. 651-652]². Он хорошо подметил, что серб поверхностен в работе, что ему не хватает не только концентрации и настойчивости, но и тяги к труду; в целом, чувство моральной ответственности недостаточно развито у сербов – как в отношении труда, так и в отношении другого человека. Чем объяснить сербскую лень? Дворникович объясняет ее, по нашему мнению, вполне оправданно ссылаясь на исторические условия, когда серб был осужден на тяжелую, до кровавого пота работу, выполнение трудовой повинности («батрачество») у иностранных завоевателей и на отхожие работы («заработок») за границей; поэтому ему и сегодня ненавистен любой труд. Именно это, по его мнению, причина того, что у сербов не произошло субъективизации труда, что они не воспринимают труд как собственную потребность и благо. Дополняя данное положение, мы можем сослаться на понимание субъективизации раба Гегелем³. (Хотя, не представляет ли собой такое реакционное отношение сербов к труду на самом деле пример, опровергающий верность теории о субъективизации сознания раба посредством труда?) Таким образом, мы согласны с Дворниковичем в том, что «южнославянская лень» представляет собой не какую-то исконно народную особенность, а форму реакции, средство приспособления, которое посредством длительной практики вошло в привычку, а вместе с тем стало и чертой сербского характера. Однако это можно изменить, и реализация такого изменения является важной национально-

результата» [5, с. 93] (курсив автора. – В. Б., Б. Б.). В «Характерологии» Дворникович не без сожаления отмечает, что многие из этих «гениоманов» из-за пустого самомнения не обладали достаточной трудовой энергией, чтобы соответствовать рядовым требованиям науки и профессии, и всю жизнь прожили, уверяя себя, что они «могли» или что они «могли бы»: «Это "бы" – классическая и характерная южнославянская предположительная возможность» [4, с. 659].

² Здесь же он упоминает и «пресловутое южнославянское завтра», понятие, которое не только остается в обиходе в наши дни, но также было широко известно даже иностранцам во времена Дворниковича (*das berühmte jugoslawische завтра* – у немцев).

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. СПб.: «Наука». С. 105-106. – *Прим. ред.*

педагогической проблемой, решение которой отвечает интересам всего сербского общества [4, с. 664–669, особенно 667–669].

Дворникович делает весьма интересный, даже больше – и сегодня актуальный, анализ сербских социальных чувств и типажей. При этом в качестве эмпирической базы своего исследования он определяет основные социальные формы, некогда существовавшие у сербов: общину (задругу) и племя. О понимании сербской задруги Светозаром Марковичем мы писали в другой нашей статье [см.: 6, с. 143–180]. Здесь же мы приведем те положения Дворниковича, которые значимы для нашей работы. Так, например, мы согласны с ним, что задруга не является каким-то исконным видом объединения у сербов и в целом у славян. Нет никаких историографических доказательств этому. Напротив, всё указывает на то (и это совпадает с точкой зрения Дворниковича), что задруга представляет собой временный, возникший в неблагоприятных условиях вид родового объединения, когда нужно было защищаться от неприятеля и выживать. Поэтому сербские задруги были доминирующим видом социальных организаций в период турецкой оккупации – как единственная возможность, обеспечивающая существование и индивида, и объединения. Дворникович отмечает, что если внешняя опасность миновала, то большинство задруг постепенно шло к распаду. По его мнению, в этих обстоятельствах возникало индивидуалистическое побуждение, которое выражалось в стремлении к расширению, а часто и в страсти к неограниченному управлению своей жизнью и имуществом, пускай даже ценой гибели [4, с. 691]. Мы видим, что эта «страсть» и сегодня управляет сербами, и вероятно, можно было бы привести десятки тысяч примеров, когда ближайшие родственники готовы вести тяжбу и ругаться «в пух и прах» всего лишь из-за раздела собственности, к которой они до спора о наследстве никогда не проявляли интереса. Этот «индивидуализм», как мы увидим дальше, имеет глубокие психологические корни и противодействует всякому усилию по объединению сербов, являясь по своей сути антисоциальным.

Эта антисоциальная черта характера особенно сильно выражена в племенном пережитке, который и сегодня присутствует в сербском обществе. В частности, Дворникович приводит Черногорию как «классический пример территории, где и сегодня сохранились племена». Это суждение было насколько же верно в его время, как верно и сегодня, спустя более семидесяти лет, несмотря на все прогрессивные достижения. Достаточно посмотреть, как функционируют так называемые черногорское государство и общество, чтобы увидеть, что они полностью организованы на

отсталых племенных принципах. К сожалению, подобный взгляд на организационно-политическую ситуацию Сербии оставляет не лучшее впечатление: над теми, кто управляет Сербией, всё еще тяготеет племенное сознание. Племенной характер глубоко аполитичен, если под политическим понимать общие интересы общества и частный интерес в объединении общества. (Так, например, В. Вундт различает племенное и политическое общество как противоположные типы обществ.) По Дворниковичу, племенное представление об общности начинается и заканчивается племенем. Моральные основания такой идентичности лежат на фундаментальной и фиктивной вере в общее происхождение и кровное родство между членами племени, при этом индивид имеет ценность только как представитель своего племени и братства, в то время как в другом контексте вообще не рассматривается как человек [см.: 4, с. 700-701]. Эта связь игнорирует все другие ценностные меры. Так, например, вообще не важно, плох или хорош конкретный индивид, нарушает ли он закон, важно только то, что он из племени («наш», как говорит Дворникович). Также, если какой-то представитель племени поднимется по социальной лестнице или обогатится, то считается, что этот подъем ему обеспечили собратья / соплеменники, уже занявшие какое-то положение в социальной структуре, при этом от него ожидают, что он оплатит долг и тем же способом поможет другим членам своего племени (своячничество, кумовство).

Нет необходимости говорить о последствиях, которые данное явление влечет за собой в области функционирования общества и формирования его производственного процесса, этической картины и политического сознания в целом. Мы могли бы сказать, что партийное сознание, ярче всего выраженное у трудоустроенных по партийной линии, представляет собой современный вид того самого племенного сознания. По Дворниковичу, родоплеменное сознание проявляется и в региональных и местных чувствах к «землякам», «людям из твоего края» и тому подобном – по его мнению, всё это следы старой привычки возлагать ожидания безопасности и жизненного процветания только на поддержку «своих», а не на государство или закон. «Вместо единого коллективного *Мы* всё еще присутствует противопоставление *Мы* и *Вы*, *Мы* и *Они*» [4, с. 711]. Эта разобщенность, которая заставляет делить всех на «своих» и «чужих», по Дворниковичу (и в этом мы с ним согласны), представляет собой главную причину того, что развитие социального чувства сербов в основном не выходит за пределы биологически-родственной плоскости.

В ходе исследования сербских психологических особенностей нельзя обойти

вниманием анализ Дворниковичем социальных типов, большую часть которых он описал в своем произведении «Борьба идей». Он рассматривает сербского селянина и горожанина как типажи социального характера, затем исследует революционера и интеллектуала, а среди социальных типов, которые могут встретиться в повседневной жизни, им выделяются теплые и холодные типажи (прирожденные политики vs. природные созидатели), так называемые пауки, всезнайки и карьеристы. Сравнивая типажи селянина и горожанина, Дворникович противопоставляет, с одной стороны, субъективное inferнальное чувство селянина по отношению к горожанину, а с другой, чувство превосходства горожанина по отношению к селянину. Классическое недоверие селянина горожанину, которое прогрессирует до недоверия любой власти и в целом государству как таковому, является последствием того, что «селянин <...> хорошо знает, что городской человек на дух его не выносит и терпит только тогда, когда ему что-то от него нужно – прежде всего его избирательный голос на партийных выборах»; он «чувствует тяжесть <...> господского презрения... и потому... как господин к нему, так и он к господину» [4, с. 721-722]. Известны сельские «коса на камень», «лукавство» и политическая индифферентность, по поводу которых Дворникович отмечает, что их, по сути, провоцирует горожанин своим надменным поведением в отношении селян. Если же речь идет о самом горожанине, то Дворникович в качестве главных его особенностей приводит скудость духа («горизонт его мышления не простирается дальше порога дома и ограды двора»), безобразное нагромождение материального («психоз накопления») и потребность в личном самоутверждении, не смотря ни на кого и ни на что («недостаток понимания того, что уважение к другим является сущностью любой <...> культуры») [4, с. 725]¹.

¹ Это особенно актуально для Белграда: «люди, которые даже свое имя написать не могут, строят <...> дворцы; приобретают капитал и имущество, в отношении которого никто не знает ответа на вопрос: откуда и как? В то же время многие интеллектуалы, ученые, литераторы, художники <...> уже после пятого или десятого числа месяца задаются вопросом о том, что они будут есть <...> Неквалифицированные отнимают рабочие места и заработок у квалифицированных, а целые группы <...> объединяются на основе родственных связей, кумовства, племенных, партийных или иных связей и взаимно поддерживают друг друга...» [4, с. 729]. Дворникович ничуть не менее критичен и когда речь идет о Загребе («загребское "великоградское" самомнение», красивые фасады, которые прикрывают «духовную нищету общества» и узколюбость), Любляне и Дубровнике. Мы

О сербских интеллигентах мы уже говорили. Добавим еще несколько черт: Дворникович отмечает полное отсутствие независимой интеллигенции у сербов; сербскую интеллигенцию почти полностью составляют чиновники [4, с. 747]². Такой интеллигент-чиновник забился, по его словам, в «скорлупу апатии», подло скрывая под маской истинный характер. Дворникович обращает внимание, что классовое (а мы можем добавить: и социальное) сознание никогда не являлось отличительной чертой сербской интеллигенции, и это относится как к ангажированным интеллигентам, так и к так называемым независимым. Всё это мы можем наблюдать и сегодня на примере разных «независимых» интеллигентов, которые числятся в партийных «платных» списках или в списках иностранных неправительственных организаций (или надеются когда-нибудь в эти списки попасть); они полны «оригинальных» суждений, которые очень часто готовы сразу «скорректировать» в зависимости от изменений политической ситуации в стране. Парадигмальными примерами являются «интеллигенты», которые собственные диссертации «защищали» в Будапеште, не блиставшем научными знаниями, но известном практическими тренингами по «демократии», финансируемыми Дж. Соросом; затем разные «директора» солидных национальных учреждений культуры, которые поставлены на руководящие должности без соответствующей квалификации, чтобы с этих позиций открыто высказывать слова ненависти (или поддерживать подобные высказывания) во имя мнимой свободы слова и мысли; также это разные «интеллектуалы» (их около сотни), которые во имя защиты демократии просили бомбить свою страну, и так далее. Нет, сербская интеллигенция ни в коей мере не независима. Она молчит, или подкупленная несколько большей заработной платой в разных проектах, институтах, на факультетах, или же просто-напросто из страха остаться без средств к существованию. Это молчание оспаривает ее право называться интеллигенцией. Вместо развития традиции независимой интеллигенции у сербов развилась привычка рвать на куски тех, кто на самом деле

не можем привести все аналитические описания городов, данные в его работе; отметим лишь их актуальность, что ясно говорит о том, что в городской жизни крупнейших мегаполисов так называемой бывшей Югославии мало что изменилось с 1939 года.

² Анализ социального слоя чиновников много внимания в своих исследованиях уделил и сербский социалист XIX века Светозар Маркович.

является интеллектуально независимым.

Говоря о психологическом типаже революционера, Дворникович с полным правом выделяет боевой, революционный «нерв» сербского народного характера, который, по его мнению, исторически связан с наследием древних балканских народов, славянским свободолюбием и, возможно, с так называемым богомилством¹. Также он указывает, что сербские революции XIX века, прежде всего первое сербское восстание и бунт в Тимокском крае, по своей сути были одновременно и национальными, и социально-экономическими. Однако, говоря о социализме у сербов, Дворникович замечает, что за исключением Светозара Марковича, речь идет скорее об «идейной моде и революционном снобизме», чем об искреннем разделении идей и истинном рвении, что выражается в некритическом подходе и догматическом, почти сектантском следовании западному социализму. Светозар Маркович выделяется как исключение именно из-за его попытки адаптировать западный социализм к сербскому характеру и национально-государственному устройству. В наше постсоциалистическое время мы возвращаемся к условиям жизни в рыночной экономике и тем самым возрождаем и старые общественные пережитки. Все социальные типажи Дворниковича живут и здравствуют и в наши дни, кроме, пожалуй, личности революционера. Вместо этого мы имеем еще больше, чем во времена Дворниковича, салонных коммунистов, полицейских анархистов и иностранных агентов.

¹ «Из уст серба – под влиянием *богомилства* – прозвучало первое в Европе революционное слово, что определило начальные контуры движения итальянских катаров, французских вальденсов и альбигойцев, Уиклифа, Гуса и Лютера» (курсив Дворниковича. – В.Б., Б.Б.) [4, с. 741]. Последователей этой ереси, которые себя называли не какими-то богами, а христианами, и которые создали автокефальную боснийскую церковь, Неманичи изгнали как «проклятых бабуинов». Здесь особенно выделяется Вукан Неманич, который в послании Папе Иннокентию III в 1199 г. обвинил бана Кулина, его жену (сестру Стефана Немани), сестру, других родственников и еще «больше десяти тысяч подданных» в том, что они «соблазнены этой ересью». Иначе выражение «богомил», которое придумал сербский историк Васо Глушац – как название для жителей территории современной Боснии и Герцеговины – не имеет никаких исторических предпосылок [см.: 1, 2]. Известно, что секта попа Богомила находилась в Болгарии, как известно и то, что в Средиземноморье того времени было более тысячи разных дуалистических ересей. То, что часть народа Боснии и Герцеговины приняла ислам, было следствием его решимости никакой ценой не принимать католическую веру.

Но, как говорил Кант: однажды вкусив свободы, ее не забудешь уже никогда. Именно, как поколения до социализма боролись за свободу (и за социализм как за свободу), так и новые глобальные условия неравноправия и неоимпериалистической власти наверняка вызовут к жизни новых революционеров; некоторые из них, возможно, уже рождены.

В «галерее патологий сербских социальных типажей» Дворникович выделяет «наброски и силуэты», которые могут нам встретиться и сегодня. Это так называемые холодные типажи, от которых нас «пробирает дрожь», «психологические пиявки», прирожденные политики (так называемые управленцы), которые всегда расчетливо ведут какие-то игры и как паразиты присасываются к противоположному им типу – «теплым», прирожденным созидателям. Принцип психического поведения первых заключается в том, чтобы брать как можно больше и давать как можно меньше себя другим, а принцип психического поведения вторых – в том, чтобы делиться и отдавать себя другим; первые – закрыты, себялюбивы и имеют злой умысел; вторые – открыты, великодушны и доброжелательны. Дворникович, однако, отмечает, что холодный типаж способен «чувственно выйти из себя», но только когда дело касается его самого или его интересов. «Наверное, нет отвратительнее и безвкуснее социального явления, чем бешеное проявление трогательных чувств таких в обычной обстановке холодных и мирных людей в моменты, когда задеты струны их эгоизма» [3, с. 170]; или когда такой холодный тип начинает излучать теплоту и сочувствие по отношению к тому, кто ему по каким-то причинам нужен. Это, по Дворниковичу, «полуобщественный тип человека», который другого человека в сущности воспринимает только как врага, который ему угрожает, или как средство достижения своих интересов («параноидальная мономания»); он член социума только когда это идет на пользу ему самому, тогда он притворяется «теплым». Следуя логике Дворниковича, мы можем добавить комментарий о всех тех «настоящих друзьях», опыт общения с которыми у многих имеется, которые дружат с кем-то до тех пор, пока получают от этого выгоду, и перестают быть с ними друзьями и говорят о них плохо тем, от общения с которыми могут получить еще большую выгоду, и всех тех великих «влюбленных», которые клянутся в верности, а предадут на каждом шагу, и так далее. Также, с точки зрения философии, «холодными» являются все те философы, которые страстны только на бумаге и на трибуне; частная жизнь которых не содержит ни следа от философии. В этой связи Дворникович говорит о том, что человек

должен быть идентичен с философией, которую исповедует, что она должна «войти в плоть и кровь», а человек должен стать «ее собственным воплощением» [3, с. 194]. Ту же холодную манеру мы можем узнать и в выступлениях современных сербских политиков, когда они определенные политические мероприятия называют просто «работой», что было позаимствовано на Западе еще Зораном Джинджичем. Сутью такой «работы» является уничтожение другого, с целью убрать его из игры. Это безотчетное желание власти преобладает над любым социальным чувством.

Среди всех разновидностей холодного типажа Дворникович особенно выделяет «паука»: «паук, это человек, который своего брата, попавшего в беду другого человека, не выручает, а пьет его кровь» [3, с. 182]. Это все те, кто с помощью своего «положения» или «положеньица» пользуется несчастьем тех, кто им подчинен или каким-то другим образом от них зависит. Мы узнаем этот типаж в личностях ростовщиков, заимодавцев, хозяев, шефов, работодателей, директоров, предпринимателей, а также и великих современных банкиров, как, например, Дж. П. Морган, Ллойд Бланкфейн, Джеймс Даймон. Еще интереснее то, что существуют и народы-«пауки» и организации-«пауки». Это все те народы и организации, которые поработают другие народы или ставят их в зависимое положение, чтобы потом «высасывать из них кровь». МФФ является современным примером такой прагматичной организации, а колониальные и империалистические народы-«пауки» хорошо описываются поэтом и революционером Бобом Марли в его песне «Rat race»¹. Также интересен типаж так называемого карьериста, всё существование и сущность которого базируются только на связях, целях получения богатства, общественного признания или положения (родоплеменное сознание). Дворникович говорит, что если убрать связи, титулы, ранги, место или положение, то от этого типа личности не останется никакого Я. Он – «полный ноль», его Я лишь «пустой отблеск» социальных связей, «на искривленных и нездоровых рычагах общества поднятая вверх проекция *ничто*» [3, с. 194].

Социальный тип, который весьма приближен

¹ Альбом *Rastaman Vibration* (1976), а также в песне «Them Belly Full (But We Hungry)», (*Natty Dread*, 1974). В целом, он показал в своих песнях многие характерные типажи, о которых говорит и Дворникович, например, в «Survival» («теплый» и «холодный» тип, альбом *Survival*, 1979), «Who the Cap Fit» (*Rastaman Vibration*, 1976), «We and Dem» (*Uprising*, 1980).

к «пауку», это демагог. В «Борьбе идей» мы находим одно из, возможно, самых выразительных определений данной социальной патологии: «демагогия – это ядовитое растение, которое произрастает на почве полукультурных демократий» [3, с. 157]². Вам это ничего не напоминает? Особенно если принять во внимание и последующее предостережение Дворниковича о том, что демагоги в прежние времена могли использовать только исключительные, критические исторические моменты (кризисы, бунты, революции), в отличие от современных демагогов, когда всё играет им на руку и нормативно-правовая система массово производит их на государственном и общественном уровне. Психологический портрет демагога Дворникович вполне оправданно изображает как криминальный, патологический и антиобщественный. В свете анализа поведения масс Фрейда и Лебона он утверждает, что демагог льстит эгоизму и тщеславию масс, одновременно непрерывно разжигая чувство ненависти и зависти в ней. Он следует культу ненависти и эгоизма, предавая все культурные ценности индивида – на этом базируется его криминальное и антиобщественное поведение [3, с. 159]. При этом демагог является циником в вопросах морали, так как сам сдержан в отношении масс и не отождествляет себя с ними; ему важны не настоящие интересы масс, а то, как массы могут послужить его интересам. С этой целью он использует пустые обещания и оскорбление чужого достоинства и ценностей, которые «разоблачает» как ложные. По Дворниковичу, с психологической точки зрения это значит, что у демагога нет достоинства и системы ценностей – речь идет о психопатическом уровне развития личности, которая больна «агораманией» (одержимость публичностью), с идефикс вождя, пророка, реформатора и тому подобным. Сколько современных сербских политиков мы можем узнать в описаниях Дворниковичем жажды публичности у демагогов, которая столь велика, что только он должен все видеть и знать, о всем делать заявление и давать оценку («психопат-болтун»): «Пойдет дождь, он сделает заявление; чихнет политический противник, он даст оценку и заключение; промелькнет что-то за границей, он выразит мнение и поспешно охарактеризует людей и народы...» [3, с. 163].

Наконец, последний социальный типаж, который выделяет Дворникович, это так называемый южнославянский всезнайка. Это тот,

² Там же на с. 140 он говорит: «век демократии и всеобщего избирательного права – это одновременно и век демагогии...».

«кто всё знает и всё может», начиная от поэтического творчества и драматургии, затем медицины, военного дела, философии и кинематографии, заканчивая наукой, биоэнергетикой, кукольным театром, техникой и судостроением. По сравнению с таким «универсальным гением» Леонардо да Винчи, Лейбниц и Гёте существенно ограничены, поскольку есть области знания, в которых они были некомпетентны, и проекты, которые они не могли осуществить. Этот типаж мы узнаем в юмористических рассказах Симе Шобайича, которого цитирует Дворникович и который говорит, что «нет такого дела и не такого подвига, на который бы не был способен любой черногорец: "каждый черногорец мог бы это сделать, если бы только захотел!"» Однако это не только особенность черногорцев, но, по мнению Дворниковича, качество, которое характерно для южнославянской психологии в целом; это то, что часто можно встретить от южных до северных югославских границ. Типаж «южнославянского всезнайки» по Дворниковичу характеризуется, с одной стороны, отсутствием основной академической культуры и понимания ценностей созидательной деятельности, а с другой – совершенно беспочвенной бескрайней самонадеянностью и верой в собственную творческую гениальность. Однако формированию данного типа во многом способствовала и атмосфера культурного и интеллектуального кризиса. Как и у карьеристов, если поглубже попытаться заглянуть в душу «всезнайки», найдешь там одно большое ничто: «пока они живы – они везде и всюду <...> а после, когда ищешь следы <...> и результаты <...> их существования, ничего не находишь <...> в этом трагикомичность их иррационального существования: их нет, так как их и было слишком много» [3, с. 181-182]. Тяжело придется той нации, где каждый всё знает и каждый всё может.

Перевод В. Н. Ряпухиной

Литература

1. Глушац, В. «Богомилско питање» // Летопис Матице српске. Т. 101, Ч. 312, № 2/3 (май-июнь) 1927. С. 413–418.
2. Глушац, В. Средњовековна „босанска црква”. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књига IV. Свеска 1/2. Београд: б. и., 1924. С. 1-55.
3. Дворникович, В. Борба идеја. Белград: Просвета. 1937, 323 с.
4. Дворникович, В. Карактерологија Југославаинауа Белград: Просвета, 1939. 881 с.
5. Дворникович, В. Психа југославаинске меланхолије. Загреб: Изд-во З. и В. Васича, 1925.

6. Деретич, И. (ур.) История српске филозофије. Vol. I. Белград: Евро Чунти, 2011.

References

1. Glušac, V. "Bogomilska question". (in Serb.) *Letopis Matica Serbian*. Vol. 101. Part 312, No. 2/3 (May-June) 1927. Pp. 413-418
2. Glušac, V. *Medieval "Bosnian Church". Contributions to the Literature, Language, History and Folklore*. Book IV, No. 1/2. Beograd. 1924. Pp. 1-55. (in Serb.)
3. Dvorniković, V. *The Battle of Ideas*. Belgrade: Prosveta. 1937. 323 p. (in Serb.)
4. Dvorniković, V. *Characterology of the Yugoslavs*. Belgrade: Prosveta. 1939. 881 p. (in Serb.)
5. Dvorniković, V. *Psiheya of Yugoslav Melancholy*. Zagreb: Publ. house of Z. and V. Vasich. 1925. (in Serb.)
6. Deretić, I. (ed.) *History of Serbian Philosophy*. Vol. 1. Belgrade: Evro Chunti. 2011. (in Serb.)

ОБ АВТОРАХ:

Братина Вишня, доктор философских наук, Институт философских исследований, Философский факультет, Белградский университет, Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru

Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент, Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице, Филипа Вишњича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

ПЕРЕВОДЧИК:

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г.Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия. E-mail: viktorer_r@mail.ru

ABOUT AUTHORS:

Višnja Bratina, Doctor of Philosophy, Institute for Philosophical Studies, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 1 Studentski Trg, Belgrade, 11000, Serbia. E-mail: ubuntera@mail.ru

Boris R. Bratina, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Prishtina (Kosovska Mitrovica), Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: bokibor@yahoo.com

TRANSLATOR:

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru